

Иван Тургенев

Предисловие к романам

Иван Тургенев

Предисловие к романам

«Public Domain»

1880

Тургенев И. С.

Предисловие к романам / И. С. Тургенев — «Public Domain», 1880

«Предисловие к романам» является завершающим в ряду многочисленных – как предназначавшихся для печати, так и эпистолярных – объяснений Тургенева-романиста с русским читателем и русской критикой. Необходимость в таком предисловии была обусловлена тем, что в издании 1880 года все романы впервые печатались единой группой и «сподряд», как отмечает сам Тургенев. Второй причиной, побудившей Тургенева еще раз по всеуслышанию заговорить о своих романах, были соображения полемического свойства. В предисловии к романам Тургенев вновь выдвигает тезис, который был уже знаком читателю по «Литературным и житейским воспоминаниям», а именно «Критика наша, особенно в последнее время (после Белинского), не может предъявить притязания на непогрешимость...». Защищая историческую достоверность и художественную значимость своих изображений быстро изменявшейся физиономии «русских людей культурного слоя», Тургенев утверждает, что каждый писатель, не лишенный таланта, «старается прежде всего верно и живо воспроизводить впечатления, вынесенные им из собственной и чужой жизни». «Коли он правдив, – добавляет Тургенев, имея в виду талантливого писателя, – значит, он прав»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	8
Комментарии	

Иван Сергеевич Тургенев

Предисловие к романам

[Источники текста](#)

[Условные сокращения](#)

Решившись в предстоящем издании поместить все написанные мною романы («Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне», «Отцы и дети», «Дым» и «Новь») в последовательном порядке, считаю нелишним объяснить, в немногих словах, почему я это сделал. Мне хотелось дать тем из моих читателей, которые возьмут на себя труд прочесть эти шесть романов сподряд, возможность наглядно убедиться, насколько справедливы критики, упрекавшие меня в изменении однажды принятого направления, в отступничестве^[1] и т. п. Мне, напротив, кажется, что меня скорее можно упрекнуть в излишнем постоянстве и как бы прямолинейности направления. Автор «Рудина», написанного в 1855-м году, и автор «Нови», написанной в 1876-м, является одним и тем же человеком. В течение всего этого времени я стремился, насколько хватало сил и умения, добросовестно и беспристрастно изобразить и воплотить в надлежащие типы и то, что Шекспир называет: «the body and pressure of time»^{1, [2]} и ту быстро изменяющуюся физиономию русских людей культурного слоя, который преимущественно служил предметом моих наблюдений. Насколько это мне удалось – не мне судить: но смею думать, что читатели не усомнятся теперь в искренности и однородности моих стремлений.

Позволю себе прибавить несколько кратких замечаний о каждом из этих шести романов – замечаний, не лишенных, быть может, некоторого интереса.

«Рудин», написанный мною в деревне, в самый разгар Крымской кампании, имел успех чисто литературный не столько в самой редакции «Современника», где он был помещен, сколько вне ее. Помнится, покойный Некрасов, выслушав мое чтение, сказал мне: «Ты затеял что-то новое; но между нами, по секрету, скучен твой „Рудин“». Правда, несколько недель спустя тот же Некрасов, говоря со мною о только что написанной им поэме «Саша», заметил, что «ты, мол, увидишь, я в ней до некоторой степени подражаю твоему „Рудину“ – но ведь ты не рассердишься». Помню также, что меня очень изумило письмо Сеньковского^[3] (барона Брамбеуса), которого я чуждался, как вся тогдашняя молодая школа, и который отнесся к «Рудину» с великим сочувствием.

«Дворянское гнездо» имело самый большой успех, который когда-либо выпал мне на долю. Со времени появления этого романа я стал считаться в числе писателей, заслуживающих внимание публики.

Гораздо меньший успех имело «Накануне», хотя ни один из моих романов не вызвал столько статей в журналах. (Самую выдающуюся была, конечно, статья Добролюбова.^[4]) Покойный Н. Ф. Павлов сильно раскритиковал меня, а другому, ныне также покойному критику, некоему Дарагану дали даже обед по подписке в благодарность за весьма строгую статью о «Накануне»,^[5] в которой он особенно настаивал на безнравственности главных действующих лиц. Появилось несколько эпиграмм; одна острова особенно часто повторялась:^[6] мое произведение потому-де названо «Накануне», что оно вышло накануне хорошего романа.

Прошу позволения у читателей рассказать – именно по поводу этого «Накануне» – небольшой эпизод из моей литературной жизни.

Почти весь 55-й год (так же как предшествовавшие три года) я безвыездно провел в своей деревне, во Мценском уезде Орловской губернии. Из числа моих соседей самым мне близким человеком был некто Василий Каратеев, молодой помещик двадцати пяти лет. Каратеев был

¹ «самый образ и давление времени».

романтик, энтузиаст, большой любитель литературы и музыки, одаренный притом своеобразным юмором, влюбчивый, впечатлительный и прямой.^[7] Он воспитывался в Московском университете и жил в деревне у своего отца, на которого каждые три года находила хандра вроде сумасшествия. У Каратеева была сестра – очень замечательное существо, – которая тоже кончила сумасшествием. Все эти лица давно уже умерли; оттого я так свободно говорю о них. Каратеев заставлял себя заниматься хозяйством, в котором ровно ничего не смыслил, и особенно любил чтение да разговоры с людьми ему симпатичными. Таких людей оказывалось немного. Соседям он не нравился за вольнодумство и насмешливый язык; к тому ж они боялись знакомить его с своими дочерьми и женами, так как за ним упрочилась репутация – в сущности вовсе им не заслуженная, – репутация опасного волокиты. Ко мне он ездил часто – и его посещения доставляли мне почти единственное развлечение и удовольствие в тогдашнюю, для меня не слишком веселую, пору.^[8]

Когда настала Крымская война и произошел рекрутский набор на дворянство, названный ополчением, не жаловавшие Каратеева дворяне нашего уезда согласились, как говорится, упечь его – и выбрали его в офицеры этого самого ополчения. Узнав о своем назначении, Каратеев приехал ко мне. Меня тотчас поразил его расстроенный и встревоженный вид. Первым его словом было: «Я оттуда не вернусь; я этого не вынесу; я умру там». Здоровьем он похвалиться не мог; грудь у него постоянно болела, и сложения он был слабого. Хотя я сам боялся за него всех трудностей похода, однако я постарался рассеять его мрачные предчувствия и начал уверять его, что не пройдет и года – и мы снова сойдемся в нашем захолустье, будем опять видеться, толковать и спорить по-прежнему. Но он упорно настаивал на своем – и после довольно продолжительной прогулки в моем саду вдруг обратился ко мне с следующими словами: «У меня есть до вас просьба. Вы знаете, что я провел несколько лет в Москве, – но вы не знаете, что со мной произошла там история, которая возбудила во мне желание рассказать ее – и самому себе и другим. Я попытался это сделать; но я должен был убедиться, что у меня нет никакого литературного таланта, и всё дело разрешилось тем, что я написал эту тетрадку, которую я передаю в ваши руки». Сказавши это, он вынул из кармана небольшую тетрадку, страниц в пятнадцать. «Так как я уверен, – продолжал он, – несмотря на все ваши дружеские утешения, что я не вернусь из Крыма, то будьте так добры, возьмите эти наброски и сделайте из них что-нибудь, чтоб бы не пропало бесследно, как пропаду я!» Я стал было отказываться, но, видя, что мой отказ его огорчает, дал ему слово исполнить его волю и в тот же вечер, по отъезде Каратеева, пробежал оставленную им тетрадку. В ней беглыми штрихами было намечено то, что составило потом содержание «Накануне». Рассказ, впрочем, не был доведен до конца и обрывался круто. Каратеев, во время своего пребывания в Москве, влюбился в одну девушку, которая отвечала ему взаимностью; но, познакомившись с болгаринцем Катрановым (лицом, как я узнал впоследствии, некогда весьма известным и до сих пор не забытым на своей родине), полюбила его и уехала с ним в Болгарию, где он вскоре умер. История этой любви была передана искренне – хотя неумело. Каратеев действительно не был рожден литератором. Однако только сцена, именно поездка в Царицыно, была набросана довольно живо – и я в моем романе сохранил ее главные черты. Правда, в то время в моей голове вращались другие образы: я собирался писать «Рудина»; но та задача, которую я потом постарался выполнить в «Накануне», изредка возникала передо мною. Фигура главной героини, Елены, тогда еще нового типа в русской жизни, довольно ясно обрисовывалась в моем воображении; но недоставало героя, такого лица, которому Елена, при ее еще смутном, хотя сильном стремлении к свободе, могла предаться. Прочтя тетрадку Каратеева, я невольно воскликнул: «Вот тот герой, которого я искал!» Между тогдашними русскими такого еще не было. Когда на следующий день я увидел Каратеева, я не только подтвердил ему мое решение исполнить его просьбу, но и поблагодарил его за то, что он вывел меня из затруднения и внес луч света в мои, еще до тех пор темные, соображения и измышления. Каратеев этому обрадовался и, повторив еще раз: «Не дайте

этому всему умереть», уехал на службу в Крым, откуда он, к глубокому моему сожалению, не вернулся. Предчувствия его сбылись. Он умер от тифа на стоянке близ Гнилого моря, где было помещено – в землянках – наше орловское ополчение, не выдавшее во всё время войны ни одного неприятеля и тем не менее потерявшее от различных болезней около половины своих людей. Я, однако, отложил исполнение своего обещания: я занялся другой работой; кончивши «Рудина», я принялся за «Дворянское гнездо»; и только зимою, с 58-го на 59-й год, очутившись снова в той же деревне и в той же обстановке, как и во время моего знакомства с Каратеевым, я почувствовал, что уснувшие впечатления зашевелились; я отыскал, я перечел его тетрадку, отступившие на второй план образы выступили снова на первый – и я тотчас же принялся за перо. Некоторым из моих знакомых тогда же стало известным всё то, что я теперь рассказал; но я считаю своей обязанностью ныне, при окончательном издании моих романов, поделиться этим и с публикой и тем заплатить хотя позднюю дань памяти моего бедного молодого друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

... критики, упрекавшие меня в изменении однажды принятого направления, в отступничестве... – В отступничестве Тургенева упрекали многие критики, но он напоминает об этом, находясь, по-видимому, под свежим впечатлением от одной из последних статей М. А. Антоновича «Причины неудовлетворительного состояния нашей литературы» (см. третье примечание к с. 394).

2.

... the body and pressure of time». – Неточная цитата из «Гамлета» Шекспира (акт III, явл. 2). У Шекспира: «to show <...> the very age and body of the time his form and pressure» (показывать... самому возрасту и телу века его внешность и отпечаток. См.: Т, ПСС и П, Письма, т. XI, с. 436).

3.

... изумило письмо Сеньковского... – Это письмо О. И. Сенковского неизвестно.

4.

... статья Добролюбова – «Когда же придет настоящий день?»; журнальное название – «Новая повесть г. Тургенева» (Совр, 1860, № 3).

5.

... Н. Ф. Павлов сильно раскритиковал меня ~ Дарагану дали даже обед ~ статью о, «Накануне»... – О статьях Н. Ф. Павлова и М. И. Дарагана см. наст. изд., т. 6, с. 456–457, 459–460.

6.

... одна острота особенно часто повторялась... – Тургенев перефразирует остроту, принадлежащую князю П. А. Вяземскому: «это „Накануне“ не мешало бы отложить до „завтра“» (Рус См, 1891, № 11, с. 396). Эта острота упоминалась также в статье Н. Ф. Павлова о «Накануне» и в «Литературных воспоминаниях» П. В. Анненкова (см. наст. изд., т. 6, с. 453).

7.

Каратеев был романтик ~ впечатлительный и прямой. – Эти черты характера и поведения Каратеева, а также его «вольнодумство и насмешливый язык» напоминают облик художника Павла Шубина в романе «Накануне».

8.

... в тогдашнюю, для меня не слишком веселую, пору. – Намек на положение ссыльного, в котором Тургенев находился с 18 (30) мая 1852 г. по 6 (18) декабря 1853 г. за опубликование в газете «Московские ведомости» статьи о Гоголе, а в сущности «вследствие появления отдельного издания „Записок охотника“» (<Автобиография>, наст. изд., т. 11).